

например, начало повести «Партизаны». Но, очевидно, случайный, внезапный характер «партизанщины», при которой «в чернь» уходят люди, еще вчера мирно существовавшие, в повестях Вс. Иванова лишь показывает, как далеко зашел процесс отпадения народных масс от колчаковского режима, какой малой искры достаточно, чтобы зажечь сильный пожар... Староста Антон Селезнев в «Партизанах» действительно вынужден уйти «в чернь», но к нему сразу же, как будто ожидали этого случая, примыкают новые и новые группы крестьян, не желающих подчиниться грабительской, антинародной власти Колчака.

Во всех своих героях — мужиках и партизанах — автор настойчиво подчеркивает одну общую черту — их глубокую, кровную связь с родной землей как могущественной стихией их жизни. Мотив «земли», родящей хлеб, земли, от которой все беды и радости, земли, щедро политой кровью и просящей крестьянского плуга, очень силен в повестях. «Власть земли» в литературе изображалась не раз как власть, уродующая душу, отнимающая счастье, разделяющая людей. У Вс. Иванова земля объединяет, слепляет мужицкую массу, перед ликом земли все люди одинаковы, в жилах всех струится кровь земли, всем она одна — кормилица и усыпальница... Поэтому к земле прижимаются люди «телом гибким, плодоносным и летним» и, погибая, целуют ее «холодным смертным поцелуем», а душа человека «как травы обнимает землю»; поэтому в «Цветных ветрах» разворачивается в картину какой-то «битвы народов» местная распря между кочевниками и сибирскими крестьянами за некие «кабинетские» земли, а в «Бронепоезде» полна такой щемящей тоски сцена ухода партизанских телег от родных, взлелеянных и политых потом мест: «А родная земля сладостно прижимала своих сынов — идти было тяжело. В обозах лошади оглядывались назад и тонко, с плачем, ржали. Молчаливо бежали собаки, отучившиеся лаять. От колес телег отлетала последняя пыль и последний деготь родных мест...»

В «Партизанских повестях» почти не показана классовая рознь среди крестьянства. В них отразился тот период в жизни сибирского крестьянства, когда оно всем «миром» встает на защиту своей власти. Когда Вс. Иванов отмечает в своих героях «непереносную» тягу к земле, к мирному страдному труду, нарушенному нашествием врагов, он тем самым обнаруживает ту моральную подпочву, которая обеспечила успех первых исторических деяний советской власти, отдавшей землю тем, кто ее обрабатывает, и обратившейся к народам с призывом о мире.

К подлинной монументальности изображения «партизанщины» как народной войны против «старорежимной власти» и иностранной интервенции подходит Вс. Иванов в повести «Бронепоезд 14-69», переработанной затем в пьесу для театра. Грозные слова героя пьесы, крестьянского вожака Никиты Егорыча Вершинина: «мужик пошел!» — передают тот эпический лад, в котором написано произведение. История пленения партизанами бронепоезда, шедшего под началом карателя — капитана Незеласова на подмогу белым в город, охваченный революционным восстанием во главе с председателем

подпольного ревкома большевиком Пеклевановым, рассказана автором так, что она превращается в символически-образное обобщение картины всей гражданской войны на зауральских просторах... Повесть, и особенно пьеса Вс. Иванова, — это отражение глубин революционного духа трудящихся масс в их борьбе за свободу. Партизанская масса в этой повести движима не только теми «почвенническими» инстинктами, которые отражены в повести «Партизаны» и разовьются затем в целую «философию» в «Цветных ветрах». Мотив «земли», пашни, защищаемой от вражеских притязаний, очень сильно звучит и в «Бронепоезде» («...Не давай землю японсу-у!.. Все отыдем! Не давай!» — таким призывом подымает Вершинин свои отряды в бой, и автор добавляет, что ему «иные слова не приходили»). Но Вс. Иванов с великолепным чувством революционной правды отражает и нечто большее, чем простое «Не давай землю!», живущее в душах этих идущих на подвиг людей. То, что в «Партизанах» прозвучало лишь намеком (думая о том, как далекая Англия снабжает Колчака военным снаряжением, герои повести возмущаются: «И как только английский мужик смотрит? Зачем таку пакость позволяет?»), в «Бронепоезде» стало одной из главных «музыкальных» тем вещи — романтической темой интернациональной солидарности «мужиков» всех стран, вставших грудью против тех сил, что несут народу гнет и разоренье, а также темой революционной ленинской правды, открывающей простому труженику глаза на его положение, подымающей его на неслыханный бунт против эксплуатации и бесправья.

В «Бронепоезде 14-69» изображена стихия партизанщины, но в ее гуле слышны иные, более революционные ноты — этот гул сливается с блоковским «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Партизан Знобов восклицает: «Империализм с буржуями — к чертям!», Васяка Окорок веселится, думая о том времени, «японского микадо когда расстреливать будут», и даже сдержанному большевику Пеклеванову кажется, что и в Америке будет как у нас «со дня на день».

Недаром же позднее, в 1927 г., когда Художественный театр предложил Вс. Иванову инсценировать какой-нибудь из эпизодов его повести, писатель избрал именно эпизод «упропагандировали» — знаменитую беседу партизан с пленным американцем, в которой все сердца открываются единому слову «Ленин» и людей охватывает веселое неистовство, как будто это слово, уже только будучи произнесенным, способно покончить и с враждой народов, и с несправедливостью на земле, и с Колчаком — со всем тем, что оторвало людей от пашни и бросило их в глухую тайгу на смертельно тяжелый путь борьбы.

Столь же художественно значителен в повести «Бронепоезд 14-69» эпизод подвига Син Бин-у. Образ китайского добровольца, члена партизанской семьи, с его трогательным своеобразием и непосредственной мудростью, является достижением Вс. Иванова. Кульминацией повести становится эпизод, в котором рассказано, как Син Бин-у, жертвуя своей жизнью, ложится на рельсы, чтобы остановить